

"Травада"

1974, 1 декабря
г. Москва

ГРАНИЦЫ ЖАНРА

Театр

КАЖДЫЕ четверть часа над Одессой плывет мелодичный перезвон городских курантов. «Визитной карточкой» города-героя служат начальные такты песни, впервые прозвучавшей в оперетте И. Дунаевского «Белая акация». Разве наш театр — Одесский театр музыкальной комедии — не вправе этим гордиться?

Могу привести и другие примеры, говорящие о немалых завоеваниях веселого жанра. «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова, прозвучавшая уже и на киноэкране, скоро отпразднует свое сорокалетие. «Вольный ветер» И. Дунаевского, «Севастопольский вальс» К. Листова вновь и вновь появляются на афишах. В спектакле же, впервые поставленном нашим коллективом, — «На рассвете» О. Сандлера мне довелось выступать и на Украине, и в Прибалтике, и на Дальнем Востоке...

Оперетта привлекает людей оптимизмом, она всегда несет большой заряд положительных эмоций.

На советском репертуаре воспитывались и новые поколения артистов оперетты. Тридцать лет назад я, девятнадцатилетний паренек, впервые вышел на подмостки пятигорской оперетты именно в «Свадьбе в Малиновке». Конечно, о Попандупуло я тогда и не мечтал. Утром мне сказали, что я играю некоего Чечила, к вечеру я знал эту роль «назубок», тем более, что в ней... не было ни одного слова.

Но шутки в сторону. К сожалению, проблемы, которые волнуют меня в моих собратях по сцене, не очень настраивают на комедийную «волну».

Далеко не оригинальной стала мысль о том, что

юмор — дело серьезное и многотрудное. Вот музыкальная комедия. Ее природе свойственна большая часть того, чем богато театральное искусство: слово и музыка, песня и танец, юмор и лирика. И все это требует изящной драматургической оболочки. А главное — на нашей сцене должны быть люди, человеческие характеры, причем узнаваемые, настоящие. Здесь нам неопенимому помощь оказывает музыка.

«Я певец советского пресупения», — сказал как-то Дунаевский. Эти слова могли бы отнестись к себе и многие другие талантливые композиторы. Они-то прежде всего и создают ту правдивую — героическую, лиричную и веселую — атмосферу, в которой живут наши герои — участники борьбы за Советскую власть, бойцы Великой Отечественной войны, сегодняшние труженики и те, кого, по словам Салтыкова-Щедрина, сатира «провождает в царство теней». Даже, несмотря на мои далеко не богатые вокальные данные, персонажи, которые я играю, чувствуют себя «в своей тарелке» лишь тогда, когда попадают в сферу музыки. И тем не менее в последнее время на афишах театров оперетты стало куда меньше видных композиторских имен. А в новых спектаклях — все меньше музыки — яркой, притягательной, запоминающейся...

Очень огорчает и драматургия. Сколько пьес становится «добычей» корзины, и сколько «полуфабрикатов» приходится скрепля сердце

принимать к работе, знает только тот, кто работает в театре. Когда-то, при убогом содержании старых зарубежных оперетт, заполнявших репертуарный вакуум, исполнителям приходилось обогащать свои роли репликами собственного изготовления. Я еще помню, как при участии одного актера, особенно охочего до подобных импровизаций, спектакль кончался на полчаса позже обычного.

Профессиональное достоинство современного артиста не допускает такого «соавторства». Но ныне оно приобрело другую форму. Не только роль, но даже пьесу, вплоть до самой премьеры, нередко дописывают сами участники спектакля. Вряд ли этот метод целесообразен, но, увы, он стал почти традицией... Известные комедиографы сторонятся музыкального жанра, и наш авторский актив составляют считанные единицы подвижников.

Работать в оперетте трудно еще и потому, что первородное ее качество — злободневность. А темпы жизни уже приближаются к космической скорости, и нашим героям необходимо поспевать за ними. Возьмем, к примеру, хорошо знакомого мне и, наверное, многим зрителям стилисту, бездельника и приспособленца в морской фуражке Яхшу Буксира из «Белой акации». Когда около двадцати лет назад этот образ родился в нашем спектакле, его лексикон был «обогашен» одесским жаргоном, а туалет блистал

всеми красками тропической фауны и флоры. Спустя некоторое время мой Яшка, появившись на сцене, уже изъяснялся вполне «интеллигентно» и шеголял изысканным костюмом. Сейчас, хотя Яшкino нутро и не изменилось, внешний его облик, язык нуждаются в обновлении. Что же говорить о других, более весомых персонажах?

Секрет неуязвимости, например, «Свадьбы в Малиновке» во многом кроется в том, что все ее действующие лица согреты живым огоньком украинского народного юмора. Часто же бывает так, что положительные герои оперетт до того стереотипны и скучны, что зрители невольно отдают симпатии их антиподам: весь свой «багаж» остроумия авторы обычно сберегают для тeneвых фигур, которые всегда «перепедают» комиком.

Тот, кто приходит к нам в театр, вполне законно хочет посмеяться. Иной раз самый незаметный, казался бы, жест или незначительная, на мой взгляд, реплика вдруг вызывают веселый хохот. Разве столь чуткая реакция — не лучший свидетель душевного здоровья советских людей? Еще Дунаевский говорил, что «смех, в общем, прекрасная вещь, хотя бы даже тогда, когда он служит самоцелью». Но он тут же подчеркнул действительность смеха как оружия «высмеивания, вытравливания из общества того, что в нем есть вредного. Здесь перед

опереттой открыто широкое попрание».

Гротеск, сатира — верные приметы жанра, хотя свой критический запал драматурги нередко обрушивают лишь на пьянчужек да незадачливых донжуанов. Но один черный цвет не дает живого характера. Помня слова Станиславского, я стремлюсь в своих «антигероях» находить и человеческие черты — думаю, что так аудитория больше мне поверит, а может быть, даже и над чем-то задумается. Дороже аплодисментов мне настроенная тишина зала, в тот, например, момент, когда безавший от революции бывший граф Лососиноостровский («Цирк зажигает огни» Ю. Милютин), смешной и жалкий, вдруг обнаруживает незаживающую тоску по родине...

Но больше всего мне хочется играть хороших и веселых людей. Очень хочется! Нигде, пожалуй, я не испытывал такого удовлетворения, как в трагикомедии «Мой безумный брат» (пьеса Е. Шатновского, музыка Г. Цабадзе), поставленной в нашем театре режиссером М. Ошеровским. Этот памфлет раскрывает непримиримую борьбу двух идеологий, показывает подлинный гуманизм простых людей мира.

К сожалению, с глубокими мыслями, остроумными произведениями да еще на современные темы мы встречаемся редко. Чаше авторы предлагают нам легковесные водевиллики, именуемые по последней моде «мюзикла-

ми». А ведь воспитывать новую смену актерских и режиссерских кадров надо только на содержательной драматургии, на полнокровных образах. Вот я и раздумываю над причинами весьма слабого притока в наш жанр новых исполнительских сил, ярких актерских индивидуальностей.

Одно время наш театр пытался — и, я скажу, с успехом — восполнить этот пробел своими силами, работая со студентами местного театрального училища. Одесское отделение Украинского театрального общества также ищет различные формы творческой помощи молодой актерской поросли. Но все это пока носит несколько «самодельный» характер. Может быть, следует создать студии при наиболее крупных коллективах театров оперетты? Думаю, что и Литературному институту надо позаботиться о подготовке квалифицированных авторов для музыкального театра. Ведь такие же проблемы стоят и перед оперой.

Я не претендую на новизну поднятых здесь вопросов. Поставлены они давно, но решаются крайне медленно. А между тем ежедневно около тридцати театров музыкальной комедии страны открывают свой занавес перед переполненным залом, и пришедшие к нам люди должны унести с собой новый запас душевной бодрости.

Михаил ВОДЯНОЙ.
Народный артист УССР
г. Одесса.